

Глеб Иванович Успенский

Деревенская молодежь

Глеб Иванович Успенский

Деревенская молодежь

Серия «Бог грехам терпит», книга 7

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=665345

Аннотация

«...Опыт осчастливить Русскую Землю помощью людей, хотя и называющихся общественными деятелями, но не имеющих понятия о том, что общественная деятельность может выражаться *только* в заботах об *общем благе*, – опыт этот, как теперь всякому известно, был сделан в грандиознейших размерах и, как тоже известно, привел к весьма неблагоприятным результатам. Ведь не об *общем* же благе заботились люди, расхищая миллионы оренбургских земель, общественное народное достояние и богатство? Ведь не об *общем* благе хлопотали господа интенданты, расточая миллионы, десятки миллионов народных денег, каждая копейка которых добыта тяжким трудом? ...»

Содержание

Глеб Иванович Успенский

Деревенская молодежь

«...Однако, – возразит мне читатель, – несмотря на все ваши причитанья о том, что вообще понятие об общем благе как бы вообще иссякло и исчезло, действительность народного духа вовсе не замерла. Ведь вот устроили же ночлежный дом для странных. И никаких тут ни указаний, ни поощрений, ни поддержек не было... Стало быть, и без всяких наемных или ненаемных деятелей народ сделает себе сам все, что ему нужно и что он найдет полезным. Лучше всего оставить его в покое, право...»

Все это справедливо, и все это я понимаю и знаю. Знаю я, что дух народный не умер и не умрет; знаю, что рано или поздно, убедившись, что «люби ближнего» – не одно и то же, что «свои собаки грызутся – чужая не приставай», – народ «сам» примется за объяснение этих слов. Знаю, сколько бед и напастей, зла и трудностей произойти от этого может. Знаю я, что все это идет и сейчас на глазах у всех нас, но я утверждаю, что это идет с «ненужным» злом, с «ненужными» мучениями – идет безобразно, дико, нелепо. Ведь для того, например, чтоб устроить ночлежный приют для «странных» и сделать это «своими средствами», необходимо было, чтобы каждая из деревень, принявших в этом участие, сгорела по крайней мере раза четыре от трубки, которую забыл прохо-

жий в сене; надобно было, чтобы решительно *все* были много раз обокрадены, хотя и в разное время и в разных размерах. Крестный ход, учрежденный тоже по собственной инициативе крестьянами села Зайцева, учрежден потому, что *весь* скот переболел у всех; другой ход в той же деревне учрежден потому, что во всех дворах холера выела людей, и т. д. Надобно было, чтобы воровские наклонности прохожих всеми ощутились в таких неудобных размерах, чтобы *все* заговорили о необходимости ночлежного дома... Но вопрос о бесприютном человеке – такой огромный, общественный вопрос, что его можно и должно ставить пред общественным вниманием, не дожидаясь, покуда он поставит себя воровством, пожаром и т. д. Я очень хорошо знаю, что народ не может верить, будто бы «люби ближнего» есть то же самое, что «чужая не приставай», – знаю, что он будет искать подлинного объяснения этих слов, знаю всю ту огромную муку, которая ему предстоит; но почему я, зная это, должен молчать – этого я не понимаю и понять не могу. Так во всем. Нисколько не теряя веры ни в народную душу, ни в народный ум, мы, люди, принадлежащие к так называемой интеллигенции, но по несчастию забывшие, что *обязанность* наша – непременно помнить только о благе общем, чтобы деятельностью *в этом* смысле оправдывать свое положение, – присутствуем пред поразительно-безобразным зрелищем. Видим, как «своими средствами» – всегда тяжелыми, грубыми, мучительными, исполненными страданий, ошибок и напрасных мучений –

народ ставит и пытается разрешить такие вопросы, которые давным-давно поставлены; глядим на это и *знаем*, что «рано ли, поздно ли» (десятками лет) он придет именно к тому фазису вопроса, который давно у нас уж пред глазами... Народ, идя к разрешению того или другого занимающего его вопроса, бредет ощупью, не зная завтрашнего дня... Мы знаем этот день и – молчим.

Опыт осчастливить Русскую Землю помощью людей, хотя и называющихся общественными деятелями¹, но не имеющих понятия о том, что общественная деятельность может выражаться *только* в заботах об *общем благе*, – опыт этот, как теперь всякому известно, был сделан в грандиознейших размерах и, как тоже известно, привел к весьма неблагоприятным результатам. Ведь не об общем же благе заботились люди, расхищая миллионы оренбургских земель, общественное народное достояние и богатство? Ведь не об общем благе хлопотали господа интенданты, расточая миллионы, десятки миллионов народных денег, каждая копейка ко-

¹ ...помощью людей, хотя и называющихся общественными деятелями... – Успенский имеет здесь в виду как дворянство и бюрократию – главную опору царской монархии, так и капиталистических хищников новой формации, рожденных пореформенной эпохой. Эту разноликую толпу «общественных деятелей»-хищников Успенский далее характеризует именами отрицательных героев Островского (Псой Псоич – у Островского в комедии «Свои люди – сочтемся» – Сысой Псоич Рисположенский; Тит Титыч – Брусков, герой комедий «В чужом пиру похмелье» и «Тяжелые дни»). Фонвизина, Грибоедова, Салтыкова-Щедрина (Колупаев и Разуваев – типы разбогатевших деревенских кулаков в цикле «Убежище Монрепо»).

торых добыта тяжким трудом? Разве имели в виду общее благо господа железнодорожники, кладя в карман себе миллионы, сотни миллионов народных денег и проводя дороги там, где захочется? Разве об общем благе думали массы хищников, опустошая банки, растрачивая общественные кассы, взламывая земские сундуки и т. д.? Разве об общем благе думает вся масса Псой Псоичей, Тит Титычей, больших и малых, вся свора мироедов и кабатчиков?.. А наше прошлое с Тарасами Скотиниными, Митрофанушками, Фамусовыми, Репетиловыми, Скалозубами и т. д. и т. д. – разве оно повинно в заботе об общем благе? А наше настоящее с Колупаевыми, Разуваевыми, с дельцами, с хищниками, со всей этою сворой всякого сорта жестоких людей – разве оно слышало когда-нибудь об общем благе?.. Но мы решительно не в силах даже приблизительно, даже в общих чертах изобразить все могущество, все обилие, все беспредельное пространство, которое наполнял и наполняет в прошлом, в настоящем и будет наполнять в будущем тип человека, не имеющего понятия об общем благе... «Будет», «довольно», ради бога довольно *этого* типа! – от глубины возмущенного чувства может только воскликнуть всякий русский человек. Довольно *этого* типа! Пора ему выходить из моды! Он ничего не может сделать, кроме зла; он все расшатает, расхитит, налжет, предаст и исчезнет, оставив одни развалины...

Вот этой-то интеллигенции, для которой дороговизна съестных припасов есть единственное руководство в выборе

той или другой общественной обязанности (сегодня – урядник, завтра – дьячок), воистину пора выходить из моды и дать дорогу – не скажу уже готовой, «настоящей» интеллигенции, а хотя тем вопросам общественного блага, которые могут образовать эту настоящую интеллигенцию. Да, еще «образовать» ее надобно – так она слаба, не уверена в себе, во всех тех видах, которые доступны ей в настоящем. Общественное благо, вопросы насущной жизни, из которых оно складывается, – вот единственно что может прекратить ту молчаливую, но жестокую борьбу так называемых партий, сосредоточивших свою ожесточенную мысль только на способах наилучшего выражения негодования, – сосредоточивших до такой степени, что за «способом» не видишь уж самой причины борьбы и только спрашиваешь, во имя чего же все это совершается?.. Только вопросы общего блага, поставленные широко, сами собой уничтожат эту наемную, из-за денег, из-за съестных припасов толкущуюся интеллигенцию и дадут смысл и частной и общественной жизни.

Скоро ли и когда именно наше отечество разлюбит отверженные типы наемной интеллигенции – мироедство всевозможных размеров и форм, – скоро ли оно убедится, что искренняя забота об общественном благе только одна и может дать жизнь нашему постыдно бездействующему нравственному миру, – не знаем и решать не беремся; но о том, что в отдалении от малейшего знакомства с обязанностями человека к ближнему, к обществу воспитывается все миллионное

молодое поколение, сказать необходимо.

В «Наказе» Екатерины мы находим такие строки: «Законы должны быть книгою весьма употребительною и которую бы за малую цену достать можно наподобие букваря... и для того предписать надлежит, чтобы во всех школах учили детей непременно: из церковных книг и из тех, кои законодательство содержат»². Книги, кои «законодательство содержат», – содержат кратко формулированный свод обязанностей отдельного человека к обществу. Автор «Наказа» желал, чтобы с гражданскими обязанностями народ во всех школах был ознакомлен наравне с религиозными. Следовательно, он считал нужным не скрывать от масс того, что во имя общего блага считается вредным и полезным, и т. д. И это было при крепостном праве, когда народ мог и не отвечать за свои общественные порядки, как бы дурны они ни были. Теперь, через сто лет, ни о чем подобном нет и в помине. Нельзя говорить именно о том, что нужно и о чем спрашивают, – везде ссылаются на крамолу, точно ее следует уничтожить по-

² «Законы должны быть книгою весьма употребительною...» – Борясь с реакцией 80-х годов и требуя «не скрывать от масс того, что во имя общего блага считается вредным и полезным», Успенский ссылается на «Наказ» Екатерины II, составленный в связи с созывом комиссии для составления нового уложения (1767). Успенский хочет этой ссылкой показать, что политическая реакция 1880-х годов стремилась отодвинуть Россию назад даже по сравнению с XVIII веком (и вообще с эпохой «крепостного права»), когда представители самодержавия хотя бы на словах пропагандировали просвещение, а не защищали открыто «поголовное невежество» и не рассматривали всякое проявление мысли об общественных обязанностях как «крамолу».

ГОЛОВНЫМ НЕВЕЖЕСТВОМ МАСС...

Теперь представьте себе, что где-нибудь, в волостном правлении или у сельского старосты, совершается какое-нибудь из бесчисленных вопиющих дел: незаконный контракт, пьяный суд, нелепый учет какого-нибудь обиралы. Ни судьи, ни депутаты, ни «оконтрачиваемые» мужики – никто не знает, что пишут, что считают, какие цифры выговаривают, но чувствуют, что делается что-то «в ущерб». Никто не знает ни грамоте, не умеет ни прочесть, ни написать: некому по душе, по совести растолковать, вступить и т. д. А напротив – школа, и там никогда, ни по какому поводу ни батюшка, ни учитель ни единым словом не заикнется о том, что «нехорошо», мол, так делать, как делается там, напротив. Ни с божеской, ни с человеческой стороны общественные обязанности не обсуждаются, не становятся на очередь. Пишут о белом медведе, о самоедах, решают задачу об «аэронавте, который, поднявшись на высоту 367 футов, уронил табакерку», и т. д. А кругом кишат миллионы задач, которые должны быть удовлетворены этими же мальчиками, будущими деревенскими жителями, общинниками.

Не так давно, задумав составить книжку для детского чтения, я обратился к некоторым учителям К-ской губернии с просьбою задать ученикам сочинения на разные темы. Были выбраны: «Домовой и вообще нечистая сила», «Сходка», «Сирота» и «Драка». И что же? – Лучшее из всех, то есть разнообразнее и у каждого по-своему были написаны сочине-

ния о нечистой силе!.. Тема – нейтральная: о домовом думай сколько хочешь, твоя воля – никто не мешает. А хуже всего вышла «Сходка» – явление, которое постоянно на глазах у всех. Сходку учителя должны были «растолковать», то есть почти рассказать все содержание этой темы. Все сочинения вышли одно в одно, слово в слово – так, как растолковали учителя: официально, мертво, без единой живой черты. «Драка» и «Сирота» – явления деревенской жизни, поминутно встречающиеся, были еще хуже. Всякий видел и знал сироту и всякий глядел на драку – и все-таки очень плохо и небрежно написано и о том и о другом. О сироте нужно было также толковать: отчего сирота бывает? Куда он девается, когда он вырастает?.. Все эти вопросы удивили мальчиков тем, что вдруг сделались предметом внимания и некоторого изучения. В «Драке» описывалось только, кто чем кого ударил: «она его железиной, а он ее сгреб» и т. д. А когда стали спрашивать о причинах этой драки, вопрос за вопросом, то очень многие не могли ничего ответить, хотя тема и была дана потому, что в деревне живет буйное семейство, и живет много лет. Таким образом, внимание к ближнему, не из личных только побуждений, оказывалось весьма мало развитым. Палку, которою бьют, примечают, больно ли – тоже помнят, а корень этой горькой жизни, которая у всех на виду, – это не касается, или по крайней мере: «чужая не приставай». Самое общественное из общественных дел – сходка – ни у кого не возбудило никакого серьезного внимания,

даже тени внимания.

Я знаю, что лучшие силы в народе не уверуют в то, что «люби ближнего» значит – «чужая не приставай»; но упорное отсутствие из народного воспитания всего, что способно облагородить душу человеческую, не может остаться без последствий. Худы были и безобразны, нелепы, глупы и наглы те типы всевозможных саврасов и недорослей, выходявшие доныне из других, более достаточных классов; но все это сравнительно с тем, что в этом роде нам предстоит, видеть, поистине капля в море. Одно количество «саврасов будущего» должно уже поразить своими громадными размерами, так как этот новый контингент олухов обещает выйти не из таких сравнительно немногочисленных слоев общества, как купечество, чиновничество и т. д., а из миллионной массы народа. На тысячу душ наверно можно положить по пятку более или менее благонадежных мироедов; у всех у них есть дети, опора и надежда; дети эти уж не работают, не возятся в навозе, они – в «пинжаках», «при часах», взыскивают по тятенькиным распискам и заседают в трактирном заведении. Коньяк, портвейн – это им известно. (Карты также в большом ходу. Эти новые люди никогда не знали и не узнают, что такое книги, что значит читать, ни о каких буквально вопросах, ни жгучих, ни нежгучих, никто и никогда из них не думал, ни о какого рода работе мысли не имеет понятия, не может быть приставлен ни к какому делу, где нужно напряжение ума, потому что деньги наживаются, простым отняти-

ем чужого. Лень, наглость, невежество, гордость и страшные замашки деспотизма, воспитываемые покорностью и безропотностью снимающих шапки мужичонков, привычка постоянно торжествовать над всевозможными попытками этих мужичонков к протесту – вот нравственный материал, с которым ломится на общественную арену миллионная толпа дюжих, здоровенных саврасов и недорослей нового сбора. Что вот с этими-то молодцами делать, когда они явятся попить, погулять, себя показать и других посмотреть и во всяком случае наделать «шкандалу»? Ведь они до тех только пор могут считать себя тем, что они есть, то есть потомками совершенно благонадежных людей, называемых, к несчастью, мироедами, покуда их поддерживают деньги. Но ведь пропить их недолго, и тогда что они будут делать с своими волчьими ртами, деспотическими сердцами, пустыми головами и без малейшей привычки к добросовестному труду?..